

О П[Ь]Л[Ь]Т[Ь]

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

*

«ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Три подхода к интерпретации

1

В самом начале рассказа «Чистый понедельник» Иван Бунин, по геройни сквозь призму восприятия героя, набрасывает непроницаемые до поры до времени покровы тайны на ее личность: «...она была загадочна и непонятна для меня, странны были и наши с ней отношения, — совсем мы все еще не были; и все это без конца держало меня в неразрешимом напряжении, в мучительном ожидании...» (VI, 189)¹.

Ключ к личности героини и к загадке ее отношения к герою Бунина вязчиво протягивает внимательному читателю ближе к концу рассказа в месте, где она вслух цитирует обширные выдержки из древнерусской «Повести о Петре и Февронии»:

«— Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до сих пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу. „Была в Быковской земле город, называнием Муром, в нем же самодержествовал благородный князь, именем Павел. И вселил к жене его диавол летучего змея на блуждание... змей являлся ей в естестве человеческом, зело прекрасном...”

Я щутя сделал страшные глаза:

— Ой, какой ужас!

Она, не слушая, продолжала:

— Так испытывал ее Бог. „Когда же пришло время ее благостной кончины, умолили Бога сей князь и княгиня преставиться им в един день. И хотели быть погребенными в едином гробу. И велели вытесать в едином гробе два гробных ложа. И облеклись, такожде единовременно, в монашескую одежду...” (VI, 196).

Это место заинтересовало Е. А. Яблокова, который посвятил ему отдельный абзац в своей интересной работе о бунинском рассказе: «Нужно обратить внимание на то, что текст жития привлекается автором в качестве „чистого понедельника“ в существенно переработанном виде. Героиня, знающая о существовании этого текста, по ее словам, досконально <...> контаминаирует две совершенные фабульные линии „Повести о Петре и Февронии“: эпизод искушения князя Павла, к которой в облике ее мужа является дьявол-змей, затеяний братом Павла, Петром, — и историю жизни и смерти самого Петра и Февронии. В результате создается впечатление, будто „благостная кончина“ персонажей жития находится в причинно-следственной связи с темой „чистого понедельника“, а не с темой „чистоты“ (ср. объяснение героини: „Так испытывал <...> Бог“). Абсолютно

Лекманов Олег Андершанович — филолог, литературовед. Родился в 1965 году в Томске. Учился в Томском университете, окончил факультет филологии. Кандидат филологических наук, профессор факультета филологии НИУ ВШЭ. Автор книг «Книга об археологии» (М., 2000), «Осип Мандельштам» (М., 2004) и др. Живет в Москве.

¹ Здесь и далее произведения Бунина цитируются по изданию: Бунин И. П. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М., «Воскресенье», 2006, с указанием тома и страницы в круглых скобках.

соответствуя действительному положению вещей в житии, данная идея вполне логична в контексте бунинского рассказа: „сочиненный” самой героиней образ не поддавшейся искущению женщины, которая даже в браке сумела предпочтеть „суетной” телесной близости вечное духовное родство, психологически близок ей².

Здесь верно абсолютно все, кроме интерпретации, которая абсолютно неверна: ведь бунинская героиня вовсе не отказывается от телесной близости с героем, а, наоборот, кощунственно отдает ему себя в ночь после чистого понедельника, между первым и вторым (строжайшими) днями пасхального поста. Пасты физически как можно ниже, чтобы потом духовно вознестись как можно выше — вот как героиня самой своей жизнью «интерпретирует» ею же «смонтированный» из двух разных глав «Повести о Петре и Февронии» эпизод «жития» никогда не существовавшей «княгини».

В finale «Чистого понедельника» в пару к князю и княгине из монолога героини упоминаются настоящие княгиня и князь — Елизавета Федоровна и Дмитрий Павлович Романовы, в чьих пореволюционных биографиях уже за пределами бунинского рассказа воплотятся два диаметрально противоположных варианта судьбы представителей царской семьи. Дмитрий Павлович более или менее благополучно доживет в эмиграции до 1942 года. Елизавета Федоровна будет сброшена большевиками в шахту «Новая Селимская» близ Алапаевска (сравним в рассказе героини микрофрагмент о «гробном ложе» в «камне»), причем рядом с телом великой княгини найдут тело сестры Марфо-Мариинской обители Варвары Яковлевой. Это биографическое обстоятельство может быть без натяжки спроектировано на предполагаемую участь героини Бунина, чья фигура на последней странице «Чистого понедельника» отчетливо подсвечена метонимическим отсветом не только от облика, но и от судьбы Елизаветы Федоровны.

Героя же героиня первоначально обрекает на незавидную роль «змея», причем в интересующем нас сейчас эпизоде он сам невольно подыгрывает своей возлюбленной, делая «страшные глаза» во время ее рассказа о «городе Муроме». Напомним также ту реплику героини, в которой она необдуманно передоверяет характеристику героя пьяному актеру (Василию Качалову): «Конечно, красив. Качалов правду сказал... „Змей в естестве человеческом, зело прекрасном...“» (VI, 198).

Как видим, поведение героини только кажется герою и вслед за ним читателю загадочным и немотивированным: «Всё причуды, московские причуды!» (VI, 197).

На самом деле большинство ее поступков рационализировано до предела — подчинено жесткой логике неуклонно воплощаемого плана.

Эта сухая рациональность вступает в «Чистом понедельнике» в противоречие с подлинной загадочностью и непредсказуемостью человеческих чувств, не желающих соответствовать никаким, пусть даже идеально выстроенным, предначертаниям.

Особенно важной и выразительной представляется нам та вроде бы проходная сцена рассказа, в которой героиня на несколько мгновений вырывается из-под власти жесткой схемы и внезапно для себя самой устанавливает с героем зрительный, а не умозрительный контакт (здесь и далее курсив в цитатах везде мой. — О. Л.):

«Я шел за ней, с умилением глядел на ее маленький след, на звездочки, которые оставляли на снегу новые черные ботики — она *вдруг* обернулась, *почувствовав* это:

— Правда, как вы меня любите! — сказала она с тихим недоумением, покачав головой» (VI, 194).

Здесь исподволь подготавляются не только трогательные подробности рассказания героев («прижалась своей щекой к моей, — я чувствовал, как мор-

² Я блоков Е. А. Толстовский подтекст в рассказе Бунина. «Чистый понедельник» и «После бала». Цит. по ресурсу <<http://likbez24.ru>>.

гает ее мокрая ресница» — VI, 199), совершенно не укладывающиеся в схему праведная «княгиня»/«змей-искуситель», но и почти мистическое угадывание героиней присутствия героя, смотрящего на нее из темноты в finale рассказа «И вот одна из идущих посередине *вдруг* подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие?» (VI, 200).

Нужно, впрочем, отметить, что почти неизбежная мученическая кончина героини снимает для Бунина все вопросы о правильности или неправильности ее выбора.

Сходные ощущения владеют в finale и героем. Он оказывается способным почувствовать, что не должен препятствовать героине пройти ее крестный путь, и добровольно с него самоустраняется: «Я повернулся и тихо вышел из ворот» (VI, 200).

2

Возвращаясь на ту страницу «Чистого понедельника», где героиня произвольно перетолковывает два эпизода «Повести о Петре и Февронии», еще раз обратим внимание на ситуацию *резкого перелома*, которая воспринимается ею как необходимое условие перехода от греха к праведности, а потому бескомпромиссно воссоздается в рамках собственной жизни.

Это словосочетание — «резкий перелом» — помогает многое объяснить и в рассказе «Чистый понедельник», и в разговоре об особенностях авторской позиции Бунина.

Начнем с того, что резкий перелом от масленичного легкомысленного веселья к суровому стоицизму Великого поста обозначается как раз тем днем в году, чье нецерковное название стало заглавием рассказа, — чистым понедельником. Героиня, как мы помним, сознательно и многократно грешит вечером этого дня: уподобляет себя «певице» «на эстраде» (VI, 197), потом отправляется в театр на капустник, там много курит и «все прихлебыва*<ет>* шампанское» (VI, 197), а ночью — отдает себя герою.

Резким переломом — от аскетизма к роскоши — делится надвое едва ли не каждый московский день героини: «...за обедами и ужинами ела не меньше меня, любила расстегай с налимьей ухой, розовых рябчиков в крепко прожаренной сметане <...> выезжая, она чаще всего надевала гранатовое бархатное платье и такие же туфли с золотыми застежками (а на курсы ходила скромной курсисткой, завтракала за тридцать копеек в вегетарианской столовой на Арбате)» (VI, 190, 191).

Резкие переломы между тьмой и светом, холодом и теплом, белым снегом и черными силуэтами прохожих описываются в зачине «Чистого понедельника»: «Темнел московский серый зимний день, *холодно* зажигался газ в фонарях, *тепло освещались* витрины магазинов — и *разгоралась* вечерняя освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрее неслись извозчики санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, — в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды — оживленнее спешили по *снежным* тротуарам мутно *чернеющие* прохожие...» (VI, 189).

Сходный контраст значимо возникает и в finale рассказа: «...шагом ездили, как тогда, по *темным* переулкам в садах с *освещенными* под ними окнами <...>. На Ордынке я остановил извозчика у ворот Марфо-Мариинской обители: там во дворе *чернели* кареты, видны были раскрытые двери небольшой *освещенной* церкви <...> только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в *белом*, длинном, тонколикая, в *белом* обрусе с нашитым на него *золотым* крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с *большой свечой* в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же *белая* вереница поющих, с *огоньками свечек* у лиц, икоинь или сестер <...>. И вот одна из идущих посередине *вдруг* подняла голову

крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие?» (VI, 200).

Изображая в «Чистом понедельнике» архитектурный облик Москвы, Бунин тоже акцентирует внимание читателя на тех городских объектах, которые не переживут резкого перелома в новейшей истории России и падут жертвой градостроительной политики советского государства. В рассказе упоминаются уже давно уничтоженные к моменту его написания Красные ворота, храм Христа Спасителя, Иверская часовня, собор Спаса на Бору, Чудов и Зачатьевский монастыри...

Все эти резкие переломы идеально накладываются на хронологию бунинского рассказа, основная часть действия которого разворачивается зимой 1913 года (в этом году чистый понедельник пришелся на 25 февраля), а финал — в декабре рокового для России 1914 года — «Приближался не календарный, / Настоящий двадцатый век», по позднейшей формуле Ахматовой. Но, может быть, еще важнее обратить внимание на число, месяц и год, которыми датирован рассказ, — 12 мая 1944 года. Этот день мог восприниматься Буниным как день важнейшего лично для него перелома в великой войне России с нацизмом, за ходом которой писатель напряженно следил из оккупированного фашистами французского Грасса. Именно 12 мая 1944 года, по официальной советской версии, была завершена военная операция по освобождению того места, откуда многие соотечественники автора «Чистого понедельника» в свое время навсегда покинули Россию, — Крымская кампания. По сводкам, передававшимся по радио и напечатанным в советских и европейских газетах, 12 мая войска Четвертого Украинского фронта полностью закончили ликвидацию остатков войск противника в районе мыса Херсонес.

В день, когда в очередной раз переламывалась судьба России, Бунин закончил работу над рассказом, события которого также происходят в переломном для России году и чья героиня, сознательно переломившая свою судьбу на «темную» и «светлую» половинки, как подметил еще Л. К. Долгополов, воплотила в себе загадочную душу России³.

В последнем пункте (прибавим мы от себя) Бунин неожиданно оказался близок к Александру Блоку.

3

Русский модернизм и великкая русская литература в «Чистом понедельнике» тоже предстают двумя полюсами в сознании героини. С одной стороны, она приходит слушать лекцию Андрея Белого в московский «Литературно-художественный кружок» и пытается читать «Огненного ангела» Брюсова. С другой — «долго» глядит «на чеховский могильный памятник» (VI, 195) на Новодевичьем кладбище, а на стене в ее комнате висит репродукция репинского портрета «Лев Толстой босой».

При этом Андрей Белый со Львом Толстым, изломанный (по Бунину) модернизм с великим реализмом, как и падение с вознесением, не только противостоят друг другу в прихотливом сознании героини (и, что еще важнее, в самом «Чистом понедельнике»), но и взаимодополняют друг друга, уживаются друг с другом.

Задача третьего, заключительного фрагмента нашей заметки — на примере отсылок в бунинском рассказе к Александру Блоку показать, что резкость и простота многочисленных переломов в «Чистом понедельнике» смягчается и отчасти компенсируется сложностью отношения Бунина к некоторым из тех явлений, которыми, казалось бы однозначно, маркируется в тексте негативный полюс, полюс «падения».

³ См.: Д о л г о п о л о в Л. К. Рассказ «Чистый понедельник» в системе творчества Бунина эмигрантского периода. — В кн.: Д о л г о п о л о в Л. К. На рубеже веков. М., «Советский писатель», 1977, стр. 319 — 344.

Как известно, автор «Чистого понедельника» терпеть не мог Блока, что отразилось, например, в его «Окайных днях», где Блок попросту назван «человеком глупым» (VI, 277). В бунинских «Воспоминаниях» 1950 года черновые блоковские записи к неосуществленной пьесе о Христе обозваны «чудовищными низостями» (IX, 32), трагический финал поэмы «Двенадцать» — «гали матерь» (IX, 150), а сам Блок — «нестерпимо поэтичным поэтом» (IX, 146).

Тем интереснее убедиться в том, что уже в первый абзац «Чистого понедельника» инкрустирована цитата из Блока. Приведем еще раз отрывок из этого абзаца: «...тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, — сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды» (VI, 189).

Словосочетание «зеленые звезды», разумеется, встречается в русской прозе не только у Блока, в частности, мы находим его в книге «Сестры» «Хождение по мукам» (1922) Алексея Толстого, в «Чапаеве» (1923) Дмитрия Фурманова, и у самого Бунина в раннем рассказе «Танька» 1892 года: «Сани тихо бежали чащах, опущенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали потухали огоньки, голубые, зеленые — звезды...» (I, 273).

Однако для позднего Бунина образ «зеленой звезды», несомненно, ассоциировался именно с Блоком, а конкретнее — с тем блоковским инскриптом Валерию Брюсову на книге «Стихи о Прекрасной Даме», который автор «Чистого понедельника» привел и раздраженно откомментировал во все тех же «Воспоминаниях»: «Законодателю русского стиха, Кормщику в темном плаще Путеводной Зеленої Звезде...» (IX, 27).

Еще одна явная цитата из Блока возникает на второй странице рассказа, когда героиня делится с героем своим обонятельным наблюдением: «Непонятно, почему, — говорила она в раздумье, глядя мой бобровый воротник, но, кажется, ничего не может быть лучше запаха зимнего воздуха, с которым входишь со двора в комнату...» (VI, 190).

Реплика героини почти прямо отсылает нас к хрестоматийным строкам:

Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник... —

из первой главы «Евгения Онегина», причем эта отсылка функциональна поскольку и в первой главе пушкинского романа, и в «Чистом понедельнике» праздная жизнь центральных персонажей показана через посещение ими театров, услаждение изысканными яствами и возведенное в ранг ритуала одевание и раздевание.

Но пушкинская цитата сплавлена в «Чистом понедельнике» с воспроизведением ситуации из начальных строк известнейшего стихотворения Блока 1908 года:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов...

В бунинском наложении цитаты из «Евгения Онегина» на реминисценцию из Блока было бы соблазнительно усмотреть попытку ненавистника модерна «подправить» Блока с помощью Пушкина.

Однако к полемике диалог Бунина с Блоком в «Чистом понедельнике» отнюдь не сводится.

Во-первых, при помощи подтекстов из едва ли не самого известного блоковского стихотворения Буниным конструируется тот загадочный образ геройни, о котором мы писали выше. Геройня часто предстает перед героями именно что «незнакомкой»: «...она была загадочна, непонятна для меня» (VI, 189), «Это вы меня не знаете...» (VI, 194), «...вы даже и не подозревали этого...» (VI, 194) и проч. и проч. Сначала сообщается, что герой «кажется вечером» «возил» геройню «обедать» в «рестораны» (VI, 189). Затем дважды

«ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

и особо подчеркивается ее пристрастие к «шелкам» (сравним у Блока — «Девичий стан, / Шелками схваченный»). Потом героиня изображается проходящей «меж столиков»: «И она, улыбаясь, поднялась и, ловко, коротко притопывая, сверкая сережками, своей чернотой и обнаженными плечами и руками, пошла с ним *среди столиков*, провожаемая восхищенными взглядами и рукоплесканиями» (VI, 198). А в эпилоге к рассказу уже сам герой отчасти уподобляется лирическому герою «Незнакомки»: он «долго пропадал по самым грязным кабакам, спивался, всячески опускаясь все больше и больше» (VI, 200).

Во-вторых, в эпилоге к «Чистому понедельнику» бунинская аналогия «героиня — Россия», как мы уже отмечали, подкрепляется отсылкой к соответствующему стихотворению Блока. В его пятой строфе, как все помнят, Россия наряжена в «плат узорный до бровей», а в finale «невозможное» становится «возможным», когда и если «блеснет в дали дорожной / Мгновенный взор из-под платка...». В эпилоге к бунинскому рассказу абсолютно «невозможная» со всех точек зрения встреча героя с героиней и узнавание героя героиней обставляются почти «по-блоковски»: «...одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, *устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня...*» (VI, 200).

Но и тут Бунин не только цитирует автора «России», но и «исправляет» его. «Сколько было противных любовных воплей Блока: „О, Русь моя, жена моя”, и олеографического „узорного платы до бровей!”» (IX, 150), — негодовал Бунин в своих «Воспоминаниях». Сам он в «Чистом понедельнике» симптоматически заменил «узорный плат» на «белый плат».

Напомним также, что его героиня (Россия?) решительно отводит матримониальные притязания героя: «Нет, в жены я не гожусь. Не гожусь, не гожусь...» (VI, 192).

